

П. Аксельрод

Красное знамя в России

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. Аксельрод**
Красное знамя в России / П. Аксельрод – М.: Книга по Требованию, 2014. – 78 с.

ISBN 978-5-458-15590-8

Красное знамя в России.

ISBN 978-5-458-15590-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

революціонный потокъ противъ основъ этого общества. Приравнивая въ этомъ отношеніи эпоху революціоннаго народничества къ періоду господства утопическаго социализма въ передовыхъ странахъ, авторъ тѣмъ самымъ ясно указалъ и выдвинулъ на первый планъ общность идейной (но не теоретической, въ тѣсномъ смыслѣ слова) почвы у нашего движенія и у предшествовавшаго, народническаго. Но кромѣ стремленія къ социалистическому перевороту, какъ главной конечной цѣли русскаго революціоннаго движенія, народническая эпоха завѣщала намъ и идею революціонной самодѣятельности народныхъ массъ, какъ единственно вѣрнаго пути для совершенія этого переворота. Далѣе, въ теченіе той же эпохи созданы были первые кадры сознательныхъ революціонеровъ въ рабочей средѣ, уже сознательно стремившихся вызвать въ ней самостоятельное революціонное движеніе. Затѣмъ, съ народническимъ періодомъ насъ соединяетъ и одинаковость основныхъ условій положенія рабочаго класса въ Россіи, которая, по справедливому замѣчанію автора брошюры, не нѣмѣнялась въ теченіе цѣлой четверти вѣка, протекшей со времени основанія перваго Южно-русскаго Рабочаго Союза. Чрезвычайно важной точкой соприкосновенія между разсматриваемыми революціонными періодами является, наконецъ, и социальный составъ большинства руководителей движенія. И теперь, какъ въ народническую эпоху, главный штабъ руководителей революціонныхъ элементовъ вербуются у насъ еще преимущественно изъ разночинской интеллигенціи.

Не смотря, однако, на только-что указанныя точки соприкосновенія между старымъ и новымъ революціоннымъ движеніемъ, переходъ отъ перваго къ послѣднему потребовалъ преодоленія гораздо болѣе трудныхъ теоретическихъ препятствій, чѣмъ тѣ, съ которыми современная социальдемократія столкнулась на Западѣ. Препятствія эти вытекали, главнымъ образомъ, изъ двухъ особенностей въ историческихъ условіяхъ, при которыхъ социальдемократическое теченіе возникло на русской почвѣ. На Западѣ, социальдемократія, при появленіи своемъ на исторической сценѣ, застала пролетаріатъ уже вполне сформировавшимся и борющимся за свои интересы классомъ, а буржуазную интеллигенцію — уже распростившейся со своими прежними революціонными стремленіями, въ лагерьъ эксплуататорскихъ классовъ, въ роли ихъ идейнаго и политическаго авангарда. Пионерамъ новаго социалистическаго движенія приходилось тамъ, слѣдовательно, съ самаго начала обращаться, главнымъ образомъ, къ рабочимъ, и само оно

родилось, такъ сказать, какъ непосредственное рабочее движеніе. Въ Россіи же социальдемократія появилась на свѣтъ въ то время, когда промышленный пролетаріатъ находился еще въ первыхъ стадіяхъ своего выдѣленія изъ общей народной массы въ особый классъ и когда, за исключеніемъ незначительной горсти сознательныхъ рабочихъ, онъ въ революціонномъ смыслѣ спалъ еще глубокимъ сномъ. Главной революціонной силой являлась у насъ тогда именно интеллигенція, и къ ней, стало быть, нужно было прежде всего апеллировать въ интересахъ обезпеченія новому социалистическому направленію возможно болѣе быстрыхъ успѣховъ и прочнаго развитія на русской почвѣ. Для того, чтобы пробудить русскихъ рабочихъ къ сознательной исторической жизни и вызвать въ нихъ классовое революціонное движеніе, необходимо было завоевать умы и сердца паличныхъ революціонныхъ элементовъ въ пользу такого движенія, выяснивъ имъ, что только въ немъ одномъ заключается залогъ для полнаго торжества идеаловъ и стремленій, воодушевляющихъ саму нашу радикальную интеллигенцію. Уже одно это обстоятельство само по себѣ должно было усложнить содержаніе и задачи теоретической пропаганды русской социальдемократіи при самомъ ея зарожденіи. Во Франціи, Бельгіи или Италіи теоретическая задача первыхъ социальдемократовъ состояла, главнымъ образомъ, въ выясненіи рабочимъ наиболѣе рациональныхъ путей и средствъ освободительной борьбы, которую они сами уже начали еще до появленія социальдемократіи. У насъ же передъ нею въ самомъ началѣ стояла на первомъ планѣ задача выясненія радикальной интеллигенціи исторической законности и необходимости сознательно-революціоннаго рабочаго движенія на русской почвѣ. Но на этомъ пути намъ пришлось столкнуться съ цѣлымъ общественнымъ міросозерцаніемъ, возникшимъ и сложившимся въ эпоху перехода Россіи отъ натурального и крѣпостническаго хозяйства къ капиталистическому, когда въ русской жизни господствовалъ еще не классовый, а сословный антагонизмъ. Необходимость отстаивать свои интересы въ борьбѣ съ революціонными воззрѣніями, коренившимися въ общественной почвѣ, принципиально отличной отъ капиталистической, составляетъ вторую особенность въ положеніи первыхъ русскихъ социальдемократовъ, которая, вмѣстѣ съ вышеуказанной, опредѣлила общій характеръ, объемъ и содержаніе ихъ теоретической пропаганды.

Народнический социализмъ представляетъ собою продуктъ приспособленія господствовавшихъ на Западѣ, на зарѣ нашего рево-

люціоннаго движенія, ученій утопическаго соціализма, къ отста-
лой русской дѣйствительности. Но уже классическія системы
этого соціализма возникли подъ прямымъ вліяніемъ обнаружив-
шагося классового антагонизма между пролетаріатомъ и буржу-
азіей. Основатели этихъ системъ, читаемъ мы въ Манифестѣ
Коммунистической Партіи, понимали, что „со своими планами
они являются выразителями интересовъ, главнымъ образомъ, ра-
бочаго класса, какъ болѣе другихъ страдающаго“. Общественныя
отношенія, теоретическимъ протестомъ противъ которыхъ явились
ученія особенно Фурье и Роберта Оуэла, отличаются отъ совре-
менныхъ западно-европейскихъ преимущественно степенью сво-
его развитія, а не основнымъ своимъ характеромъ. Историческая
почва и основныя общественныя тенденціи принципиально одно-
родны у научнаго и утопическаго соціализма. И какъ современ-
ный капитализмъ представляетъ собою лишь высшую ступень
той же экономической эволюціи, которая вызвала къ жизни уто-
пическія ученія, такъ и современный соціализмъ является только
болѣе научной, болѣе совершенной теоретической формой для
выраженія тѣхъ же основныхъ общественныхъ тенденцій и задачъ,
которыя представляютъ практическій корень и центръ тяжести
этихъ ученій. Коренной ихъ недостатокъ въ области практики
состоялъ, какъ извѣстно, въ отрицательномъ отношеніи къ „клас-
совой организаціи пролетаріата“ и его „исторической самодѣятель-
ности“. Но съ поступательнымъ ходомъ стихійнаго, массоваго
рабочаго движенія и измѣненіемъ соціальнаго состава револю-
ціонныхъ кружковъ, вслѣдствіе возростающаго притока передовыхъ
элементовъ изъ рабочаго класса на счетъ элементовъ буржуаз-
ныхъ, недостатокъ этотъ устранялся какъ бы самъ собою въ
практикѣ соціалистическаго движенія, безъ предварительной
коренной ломки въ его теоретическихъ основаніяхъ. Историческій
процессъ сближенія этого движенія съ массовымъ рабочимъ дви-
женіемъ въ немногихъ словахъ прекрасно очерченъ въ печатаемой
брошюрѣ. Для моей цѣли важно лишь отмѣнить тотъ фактъ,
что въ большинствѣ западныхъ странъ процессъ этотъ ко вре-
мени возникновенія соціалъдемократическаго теченія значи-
тельно подвинулся уже впередъ, такъ что классовой антагонизмъ
и борьба пролетаріата съ буржуазіей признавались тамъ анархи-
стами и бланкистами, не только какъ безспорные факты, но и
какъ главные базисы и рычаги для революціоннаго соціализма.
При такихъ условіяхъ, соціалъдемократія могла постепенно упро-
читься и даже вытѣснить соціалистическія фракціи, теоретическіе

корни которых лежали въ утопическомъ социализмѣ, не вступая въ рѣшительную борьбу съ основами его міросозерцанія. Ей достаточно было пустить въ оборотъ только нѣкоторыя изъ положеній и выводовъ марксизма, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ программѣ дѣйствій борющагося пролетаріата, чтобы успѣшно конкурировать съ представителями утопическаго социализма въ рабочемъ движеніи. Можно сказать, что въ большинствѣ капиталистическихъ странъ практическая политика социалистовъ стала социальдемократической, путемъ усвоенія ими гомеопатическихъ дозъ изъ современнаго социализма и эклектическаго сочетанія ихъ съ наличнымъ кругомъ идей, унаслѣдованнымъ отъ эпохи социализма утопическаго. Подъ давленіемъ роста рабочаго движенія и капиталистическаго развитія, идеологи пролетаріата, воспитанные на его идеяхъ сами иногда не сознавая этого, практически эволюціонизировали въ направленіи къ социальдемократической программѣ и тактикѣ. Ихъ мысль реформировалась въ духъ практическихъ воззрѣній социальдемократіи, а не революціонизировалась въ своихъ теоретическихъ основаніяхъ. Типическимъ примѣромъ такой эволюціи является рабочая партія въ Бельгіи, практика которой стоитъ безусловно на высотѣ ученій социальной демократіи, между тѣмъ какъ теоретическій ея базисъ отличается большимъ эклектизмомъ.

Въ Россіи, путь полуэмпирической и эклектической эволюціи отъ утопическихъ воззрѣній къ социальдемократіи исключался исторически разнороднымъ характеромъ ея основныхъ, объективныхъ задачъ и тенденцій и тѣхъ, которыя составляли реальный двигатель и подкладку утопическаго социализма на русской почвѣ. У насъ этотъ послѣдній явился идейнымъ знаменемъ для революціоннаго движенія, вызваннаго къ жизни гнетомъ абсолютизма и сословныхъ привилегій, движенія, историческая миссія котораго состояла въ томъ, чтобы поднять крестьянскія массы во имя ихъ сословныхъ интересовъ на борьбу противъ унаслѣдованнаго отъ эпохи крѣпостнаго права государственнаго и общественнаго строя. Внутренняя, органическая (а не субъективная), если можно такъ выразиться, тенденція этого движенія приблизительно такъ же далека была отъ социализма, какъ буржуазныя революціонныя движенія Англіи, Франціи или Германіи въ соответствующія эпохи ихъ исторіи. Черезчуръ „проницательный читатель“ увидитъ въ этихъ словахъ противорѣчіе съ тѣмъ, что говоритъ авторъ брошюры и что у меня въ началѣ предисловія сказано о социалистическихъ цѣляхъ и стремленіяхъ нашей интел-

лигенціи въ народнической періодъ. Но въ дѣйствительности, противорѣчія тутъ никакого нѣтъ, или только кажущееся. Субъективно, въ сознаніи его революціонныхъ представителей, движеніе имѣло цѣлью „измѣненіе основъ существующаго строя“, т. е. произведеніе социалистическаго переворота, но по своему общественному смыслу и своей реальной исторической тенденціи оно стремилось къ измѣненію правовыхъ основъ этого строя и къ перераспределенію поземельной собственности въ пользу крестьянскаго сословія. Подъ вліяніемъ ученій утопическаго социализма, насущная историческая задача радикальнаго очищенія русской почвы отъ старыхъ юридическихъ основъ и надстроекъ на время совѣмъ исчезла изъ революціонныхъ программъ интеллигенціи, такъ что съ формальной стороны можно сказать, послѣдняя грѣшила безусловнымъ пристрастіемъ къ „социалистическимъ идеаламъ“ и слѣпой враждой къ либерализму. Впослѣдствіи въ ея средѣ нашлись мудрецы, приписавшіе этому главную причину пораженія народническаго революціоннаго движенія и настойчиво совѣтовавшіе впредь запрятать социализмъ. — вплоть до того блаженнаго времени, когда Россія станетъ конституціоннымъ государствомъ. Но въ дѣйствительности причиной этой была недостатокъ элементовъ въ народѣ не только для социалистическаго, но и для широкаго революціоннаго движенія вообще*). Если

*) „Народъ“ былъ у насъ въ 60-хъ и отчасти въ 70-хъ годахъ тождественъ съ крестьянствомъ не только въ представленіи интеллигенціи, но и болѣе или менѣе въ дѣйствительности. А крестьянство неспособно было къ борьбѣ не только за „соціальную революцію“, но и за менѣе радикальныя цѣли. Бакунисты надѣялись подготовить его къ общему возстанію, путемъ участія въ мѣстныхъ „бунтахъ“, организаціи и расширенія ихъ. Но эта программа основана была на традиціяхъ народныхъ движеній того далекаго, давно похороненнаго прошлаго, когда силы сопротивленія народа были гораздо значительнѣе, а административныя и военныя силы государства гораздо слабѣе, чѣмъ въ Россіи второй половины XIX-го вѣка. Оставляя въ сторонѣ всякія другія соображенія, можно сказать, что соотношеніе этихъ силъ уже само по себѣ дѣлало невозможнымъ возникновеніе, а тѣмъ болѣе успѣхъ широкаго стихійнаго крестьянскаго возстанія. Но точно также утопично было стремленіе фракціи лавристовъ или пропагандистовъ вызвать обще-крестьянское сознательное революціонное движеніе, по духу и характеру подходящее къ современному рабочему движенію на Западѣ. Если для бунтарской политики уже не было, то для систематической пропагандистской

бы въ народной массѣ такихъ элементовъ было достаточно, то, подѣ какимъ бы идейнымъ флагомъ оно ни началось, — объективная логика русской экономической дѣйствительности и ходъ борьбы привели бы непосредственно не къ социалистическому, а къ либеральному перевороту. Но въ томъ-то и дѣло, что революціонныхъ силъ въ народѣ въ наличности слишкомъ мало было — и историческая миссія идейной разночинской интеллигенціи осталась невыполненной. Въ этихъ двухъ, внутренно связанныхъ фактахъ и заключается одна изъ главныхъ причинъ, въ силу которыхъ народническое движеніе, не смотря на свою особенную историческую основу и на свою объективно-общественную тенденцію, подобно утопическимъ социалистическимъ движеніямъ на Западѣ играло у насъ роль подготовительнаго фазиса для социал-демократіи, и подобно имъ, внутренно связана съ ней. Не рѣшенная народническимъ періодомъ общественная задача ждетъ еще своего рѣшенія, но оно лежитъ не въ народныхъ элементахъ, созданныхъ эпохой крѣпостническаго и натурального хозяйства, а въ классовой борьбѣ нашего юнаго промышленнаго пролетаріата съ юной промышленной буржуазіей. Классовая борьба перваго со второй должна явиться у насъ базисомъ и рычагомъ для искорененія сословнаго антагонизма и для освобожденія Россіи отъ архаической организаціи государства. Это значитъ, что на долю освободительнаго движенія рабочаго класса и социализма выпадаетъ у насъ историческая миссія, въ большей или меньшей степени выполненная на Западѣ въ свое время либерализмомъ. Но отсюда въ то же время слѣдуетъ, что и демократическая интеллигенція, игравшая на Западѣ роль революціоннаго знаменосца радикальнаго либерализма, должна въ Россіи стать авангардомъ социалистическимъ, не только субъективно, по своимъ общимъ идеаламъ и идейнымъ лозунгамъ, но и по объективному содержанию и общественному смыслу своей практической дѣятельности, т. е. она должна прежде всего стать на почву обще-

и организаціонной работы въ народныхъ массахъ — подѣ какимъ бы то ни было революціоннымъ знаменемъ — въ широкомъ масштабѣ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ почва еще не была подготовлена. Поэтому, когда въ передовицѣ № 1 „Нар. Воли“ заявлено было, что вести пропаганду въ народѣ значитъ „биться, какъ рыба объ ледь“, то съ точки зрѣнія непосредственныхъ революціонныхъ цѣлей и задачъ народническаго періода, заявленіе это соответствовало реальному положенію вещей и представляло собою выводъ изъ опыта тогдашнихъ революціонеровъ.

классовыхъ интересовъ пролетаріата, проникнутыя ими и слить съ ними свои идеальныя стремленія и революціонныя помыслы. И вотъ для расчистки пути въ умы радикальной интеллигенціи этому взгляду на историческую роль и взаимныя отношенія ея и нашего пролетаріата, понадобилось совершить цѣлую теоретическую революцію въ головахъ нашихъ революціонеровъ и кандидатовъ въ таковыя. Плеханова упрекали, какъ писателя, и всю группу „Осв. Труда“, какъ издательскій и пропагандистскій кружокъ, что онъ и она потратили значительно больше силъ и средствъ на борьбу съ теоретическими и философскими заблужденіями и предубѣжденіями народнической интеллигенціи, чѣмъ на чисто рабочую литературу. Упреки эти, поскольку они диктуются безкорыстными мотивами, основаны на совершенномъ незнаніи и непониманіи условій зарожденія и первоначальнаго развитія русской социальдемократіи.

Поучительна въ этомъ отношеніи судьба практическихъ попытокъ у насъ въ социальдемократическомъ духѣ въ теченіе 70-хъ годовъ. О попыткахъ этихъ рассказываетъ авторъ брошюры. Читая о нихъ, невольно спрашиваешь себя: отчего всѣ онѣ оказались безконечно менѣ прочными и устойчивыми, чѣмъ другія революціонныя организаціи того десятилѣтія? Отчего онѣ не оставили по себѣ теченія, способнаго хоть на столько выдержать противодѣйствіе враждебныхъ силъ, чтобы не затеряться и не заглохнуть? Когда группа „Осв. Тр.“ выступила съ пропагандой социальдемократическихъ идей, мысль о созпательно-революціонной самодѣятельности русскаго пролетаріата встрѣчена была, какъ нелѣпая утопія, о которой въ русской революціонной средѣ никогда не слыхали. Мы увидѣли себя не въ роли продолжателей дѣла, уже ранѣе начатаго, а наоборотъ, въ положеніи людей, расчищающихъ путь въ мѣстности, по которой ранѣе нога человѣческая еще не ступала. Значить, социальдемократическіе зародыши народническаго періода не успѣли на столько развиться и укрѣпиться, чтобы оставить по себѣ сколько-нибудь живыя традиціи, на которыя можно было бы съ успѣхомъ опереться при возобновленіи усилій на пользу организаціи среди русскихъ рабочихъ самостоятельнаго движенія.

Хотя нашъ авторъ и не ставитъ прямо вопроса о причинахъ этого факта, въ брошюрѣ находятся, однако, данныя и указанія для отвѣта на этотъ вопросъ. Заключение, къ которому они приводятъ, состоитъ въ томъ, что непосредственной причиной слабости и неустойчивости первыхъ социальдемократическихъ попы-

токъ явилось пассивное отношеніе къ нимъ со стороны наиболѣе активныхъ революціонныхъ силъ народническаго періода. Чтобы преодолѣть эту пассивность ихъ, необходимо было выяснитъ и показать имъ, что дальнѣйшій ростъ и успѣхъ русскаго революціоннаго движенія возможны только подъ условіемъ превращенія его въ классовое, т. е. политическое, движеніе русскаго пролетаріата. Но инициаторы начинаній соціалъдемократическаго характера въ 70-хъ годахъ сами далеки были отъ такого взгляда на историческую роль нашего рабочаго класса и на обязанности радикальной интеллигенціи по отношенію къ нему. Начинанія эти носили характеръ эмпирическихъ попытокъ, въ теоретическомъ отношеніи оставаясь болѣе или менѣе въ кругу господствовавшихъ идей и въ большинствѣ случаевъ не очень удаляясь отъ нихъ. Примеромъ можетъ служить, между прочимъ, и упоминаемый авторомъ второй Южно-русскій Рабочій Союзъ, для котораго я написалъ программу и довольно большую объяснительную записку къ ней*). Какъ по своимъ конечнымъ цѣлямъ и ближайшимъ требованіямъ, такъ и по общей мотивировкѣ ихъ, программа эта была столь же соціалъдемократична, какъ и программы большинства западныхъ соціалъдемократическихъ партій въ то время. Но въ основѣ ея лежала еще порядочная доза бакунизма, эклектически смѣшанная съ воззрѣніями соціалъдемократическими. Обращаясь непосредственно къ сознательнымъ представителямъ рабочихъ, я могъ, въ своихъ теоретическихъ послыжкахъ, ограничиться указаніемъ на необходимость соціалистической революціи въ интересахъ окончательнаго освобожденія пролетаріата и выясненіемъ извѣстнаго положенія Интернаціонала, что освобожденіе это можетъ и должно быть дѣломъ самого рабочаго класса. Эти послыжки достаточны были для того, чтобы мотивировать передъ рабочими программу, въ которой, вслѣдъ за соціалистической цѣлью, фигурировали „ближайшія требованія“ — экономическія и политическія. Но онѣ совершенно не затрагивали общаго характера народническаго движенія и его теоретическихъ основъ и уже потому рѣ-

*) Вскорѣ послѣ основанія названнаго Союза я, по требованію товарищей, долженъ былъ переселиться въ Питеръ, и скоро во главѣ его стали народовольцы. Замѣчу кстати, что ни одинъ изъ рабочихъ, вошедшихъ въ этотъ Союзъ, ни разу не упоминалъ передо мною объ одесской рабочей организаціи того же имени, погибшей въ 1875 г. Очевидно, у нихъ не сохранилось о ней никакихъ традицій, хотя всѣ они еще до моего пріѣзда въ Одессу были спровагандированы.

интеліально не могли повліять на образъ мыслей революціонной интеллигенціи въ смыслѣ благопріятномъ для пропаганды и агітаціи среди рабочихъ. Для того, чтобы произвести извѣстное впечатлѣніе на эту интеллигенцію и обезпечить за возникшими въ 70-хъ годахъ рабочими организаціями болѣе или менѣе прочную традицію, необходимо было, осявывая ихъ, въ то же время начать принципиальную борьбу съ революціонными воззрѣніями, въ которыхъ центральное мѣсто занимали, съ одной стороны, идеализація крестьянства, съ уцѣлѣвшими „устоями“ старой Россіи, и вѣра въ историческое всемогущество интеллигенціи, а съ другой — пессимистическія представленія о пролетариатѣ и совершенно превратныя понятія о природѣ и историческихъ тенденціяхъ капитализма. Борьбу эту нужно было начать въ одно и то же время во имя настоящихъ и будущихъ интересовъ русскаго рабочаго класса — и во имя интересовъ самого революціоннаго движенія, начатаго интеллигенціей, и его насущныхъ историческихъ задачъ. Но въ разсматриваемое время некому и некогда было взяться за нее. Инициаторами ея должны были явиться члены той же интеллигенціи, которая воспитана была на міросозерцаціи, принципиально противоположномъ научному социализму. Она переживала тогда героическій фазисъ своей исторической жизни и находилась еще подъ вліяніемъ живыхъ традицій эпохи, въ которой сложилось это міросозерцаіе. Все это вмѣстѣ держало революціонную мысль какъ бы на привязи, сковывало ее и мѣшало высвободиться изъ круга старыхъ воззрѣній даже тѣмъ немногимъ представителямъ революціонной интеллигенціи, которые серьезно сочувствовали дѣлу пропаганды и организаціоннымъ попыткамъ среди рабочихъ. Принципиальная критика этихъ воззрѣній могла начаться и дѣйствительно началась лишь послѣ того, какъ народническое движеніе, ходомъ и результатами своими, приведено было въ тупой уголъ, и передъ революціонными элементами самъ собою выдвинулся роковой вопросъ: Что же теперь? Куда и какъ дальше идти?

На сколько планъ и задача, поставленныя себѣ авторомъ брошюры, позволили, онъ остановился на этомъ переходномъ моментѣ въ исторіи русскаго революціоннаго движенія. Принимаясь за свое предисловіе, я намѣревался воспользоваться выходомъ въ свѣтъ этой брошюры для того, чтобы подвести итогъ теоретической революціи, оказавшейся необходимой для „выведенія русскаго революціоннаго движенія на новый путь“. Для этого нѣ нужно было бы, съ сочиненіями Плеханова въ рукахъ, до-

полнить и отъѣвить замѣчанія автора о дѣятельности группы „Осв. Тр.“. Къ сожалѣнію, упорная болѣзнь и многократные перерывы въ работѣ изъ-за неотложныхъ партійныхъ и другихъ обстоятельствъ, заставили меня отказаться отъ своего намѣренія. Питаюсь надеждой осуществить его при другомъ случаѣ. Тогда ужъ кстати придется подвести итогъ и фактическимъ идейнымъ результатамъ этой революціи, т. е. привести въ ясность, какіе элементы научнаго социализма, въ какомъ видѣ и сочетаніяхъ вошли въ сознаніе массы социальдемократической интеллигенціи и фактически вліяютъ на общее направленіе ея мысли и дѣятельности. Наше юное рабочее движеніе, повидимому, переживаетъ теперь критическій фазисъ въ своемъ развитіи, хотя тенденціозные оптимисты „Раб. Дѣла“ и отрицаютъ или, по крайней мѣрѣ, недавно отрицали это. Въ такой моментъ очень полезно бываетъ бросить взглядъ на пройденный путь и привести въ ясность результаты, добытые на немъ.

Заканчивая свое предисловіе, я позволю себѣ обратить серьезное вниманіе читателей на брошюру, къ которой оно написано. Она является первымъ опытомъ историческаго очерка нашего юного движенія, и такимъ опытомъ, который даетъ нѣчто гораздо болѣе существенное, чѣмъ голое, хотя бы и красивое описаніе внѣшнихъ фактовъ и событій. И еще разъ приходится мнѣ выразить сожалѣніе, что крайне неблагоприятныя обстоятельства лишили меня возможности остановиться спеціально на отдѣльныхъ частяхъ этого произведенія и высказаться по поводу затрагиваемыхъ въ немъ вопросовъ съ той полнотой, какую оно заслуживаетъ.

Цюрихъ, октябрь 1900 г.

П. Ансельродъ.

